

ВЛАДИМИР РУГА, АНДРЕЙ КОКОРЕВ

БУДОЧНИКИ

От Бога не уйдешь, как от будочника.

Ф. П. Гааз

Великая русская литература подарила миру не только образы Онегина, Печорина или князя Андрея Болконского. Среди хрестоматийных литературных персонажей хорошо известен и герой Г. И. Успенского – будочник Мымрецов. Его служебное кредо, выразившееся в словах “тащить и не пущать”, навсегда стало символом полицейского произвола.

Но здесь дотошный читатель может возразить: “Мымрецов, как следует из текста рассказа “Будка”, служил в провинции. Тогда при чем здесь славная московская полиция? Где Крым, а где Нарым?”

Что же, попробуем разобраться.

Для начала отметим, что во всех городах России, где имелись полицейские команды, стационарные посты размещались в специальных будках. Более того, в период правления Николая I их предписывалось строить по всей территории империи по единому, “Высочайше утвержденному” образцу.

Что же касается Москвы, то в ней существование этих специфических строений отмечено еще в начале XIX в. Так, указом Александра I от 23.03.1802 г. отставным солдатам предлагалось поступать в московскую полицию “для употребления сторожами при будках”. В 1862 г., когда было составлено инвентарное описание городского имущества, в городе насчитывалось 389 полицейских будок.

“По наружному виду будки разделяются на большие и малые, – писал в газете “Наше время” С. Натальин, – при некоторых устроены конюшни и сараи, но число таких весьма ограничено; будки с конюшнями стоят на окраинах Москвы, как ширьевская, например, расположенная на Ширьевом поле. Внутри города находится только одна будка с конюшней. Из будок весьма ограниченное число каменных; большая часть строятся деревянные”.

Будки стояли на площадях или на перекрестках улиц и получали, как правило, названия либо по местности, где они располагались, либо по имени ближайшего храма. Из-за последнего обстоятельства в одной части города насчитывалось несколько “Спасских, Никольских и Знаменских” будок. Только при обер-полицмейстере А. Л. Потапове (1860–1861) полицейские будки

РУГА Владимир Эдуардович и КОКОРЕВ Андрей Олегович — известные историки московской жизни XIX — начала XX веков. Журнал продолжает публикацию их увлекательных материалов. Предыдущие статьи в № 9 за 2008 г., № 9 за 2009 г., № 11 за 2010 г.

были пронумерованы, однако построенные позже номеров так и не получили, а носили лишь традиционные названия.

“Вид самих будочников был поразительный, — отмечал Н. В. Давыдов, описывая Москву середины XIX в., — одеты они были в серые, солдатского сукна казакины, с чем-то, кажется, красным на вороте, на голове носили каску с шишаком, кончавшимся не острием, как на настоящих военных касках, а круглым шаром. При поясе у них имелся тесак, а в руках будочник, если он был при исполнении обязанностей службы, держал алебарду, совершенно такую, какими снабжают изображающих в театральных представлениях средневековое войско статистов. Орудие это, на первый взгляд и особенно издали казавшееся страшным, а в действительности очень тяжелое и неудобное для какого-либо употребления, стесняло, конечно, хожалых, не обладавших крепостью и выправкой средневековых ландскнехтов, и они часто пребывали без алебарды, оставив ее или у своей будки, или прислонив к забору...”

Привычка оставлять символ власти без присмотра однажды имела для будочников довольно печальные последствия. В начале 30-х гг. XIX в. обер-полицмейстер Цинский, как-то ночью объезжая полицейские посты, набрал в сани 12 алебард, стоявших прислоненными к будкам. Сами стражи порядка в тот момент преспокойно спали вместо того, чтобы неустанно бдить и окликать ночных прохожих: “Кто идет?”¹.

Приказом начальника полиции нарушители устава были сурово наказаны, а сам случай послужил толчком к появлению сатирической поэмы “Двенадцать спящих будочников”. Автор этого произведения, бывший полицейский чиновник Д. Языков изобразил своих коллег, не жалея сарказма: все они пьяницы, не чисты на руку, истину из задержанных привыкли выбивать кулаками. Зато богач, продавший душу дьяволу, под их защитой может и в ус не дуть — заимодавцу близко не дадут подойти. Одна из гипербол поэмы: едва увидев караул будочников, чёрт Асмодей в страхе ретируется в преисподнюю и зовет на помощь самого Сатану:

*Вот час полночный зазвенел!
Асмодька появился,
Но бутюшников чуть узрел,
В ад тотчас провалился...*

В дневное время “бутари” (или, как их еще называли москвичи — “макарки”) для дополнительного заработка пробавлялись разного рода ремеслами, но главным образом занимались приготовлением нюхательного табака. Однако в большинстве своем будочники, стоя днем на часах, предпочитали дремать, вцепившись руками в древко алебарды. Обыватели настолько привыкли видеть их в таком положении, что считали неотъемлемой частью городского пейзажа, чем-то вроде статуй. Автор “Очерков о Москве” Д. А. Покровский упоминал о чуть ли не столетнем ветеране, который с незапамятных времен нес караул у Большого Каменного моста, да так и отошел в мир иной, не изменив привычной позы.

Что же касается других качеств будочников, то, судя по отзывам современников, они тоже не вызывали особых восторгов в обществе. Об этом, в частности, свидетельствует философское эссе, опубликованное на страницах журнала “Новый живописец общества и литературы” примерно в то же время, когда обер-полицмейстер Цинский уличил подчиненных в небрежном несении службы:

“Будочник! Сколько идей развивает это имя в уме путешественника — мечтателя, замечателя, сравнивающего наблюдателя! Не говоря уже о том, что, философски рассматривая будочника, видели в нем доказательство удивительных действий просвещения и образованности. Целое народонаселение будочников осуждено стоять статуями подле маленьких хижин на перекрестках улиц для того, чтобы все остальные жители города спокойно могли ходить и ездить. Злые люди, утверждая, что каждый замок есть сатира на че-

---

¹ Горожане должны были откликнуться словом “обыватели”; военные отвечали: “Солдат!” В книге “Рассказы о старой Москве” писатель А. И. Вьюрков утверждал, что будочник “ночью постукивал в чугунную доску и по временам на всю улицу: “Посматривай”.

стность человека, конечно, назовут будочника *живой сатирой на Человечество*. Нет! Заступимся за будочников и скажем, что статистическо-физическо-моральное рассмотрение будочников покажет торжество природы человеческой. Бессмертная душа человеческая, не находившая себе пределов на земле в теле Наполеона, Данте, Гете, в теле будочника довольствуется крошечной хижинкой, занимает себя дреманием на алебарде во время дня и хрипловатым окликом проходящих во время ночи. Здесь также должно удивляться бесконечности малого в человеке, как удивляемся мы, рассматривая бесконечно малые предметы природы.

Красное, одутловатое лицо, укромный быт, серая шинель будочника также не чужды ощущений человеческих. И здесь, и в этом мире кипят страсти. Честь, слава, любовь, дружба волнуют человека. Посмотрите: какое дружеское участие видно в этих двух лицах, которые чистят фонарь и метут площадку будки, и в этом торговле табачной лавочки, который даром дает будочнику грошовую порцию табака. Вот и любовь в образе жены будочника, которую с торжеством ведет он поить чаем в ближней харчевне!..

Излишество губит и смиренный род будочников – да, оно! Не употребляя они с излишком вина, и они следовали бы за неперменным законом усовершенствования Человечества, верно доказанного новыми философами. Мечта прекрасная! Будочники грядущих поколений стали бы уже на высшую ступень перед нашими будочниками...

Будет, будет это время для вас, *воины в броне сермяжной!*"

Сейчас уже невозможно определить, какой срок для перехода на высшую ступень отводил рядовым полицейским служителям философ из "Нового живописца". По крайней мере, современники свидетельствуют, что и в середине XIX в. будочники в общей своей массе по-прежнему оставались далекими от совершенства.

"Будочники были безусловно грязны, грубы, мрачны и несведущи, – писал в мемуарах Н. В. Давыдов, – да к ним никто и не думал обращаться за справками, совершенно сознавая, что они лишь живые "пугала" для злых и для добрых, специально приспособленные для того, чтобы на улицах чувствовалась публичкой и была воочью видна власть предрешающая, проявляющаяся в том, что учинивший какое-либо нарушение обыватель, впрочем, не всегда и не всякий, а именно глядя по обстоятельствам и лицам, "забирался" в полицию".

Как происходило задержание нарушителей общественного порядка, рассказала Е. И. Козлинина в воспоминаниях "За полвека. 1862–1912 (пятьдесят лет в стенах суда)". По ее свидетельству, у будочника всегда был наготове моток крепкой бечевки, хранившийся до случая за отворотом обшлага шинели. Полицейский страж связывал дебоширу руки и вел для разбора в квартал (канцелярию). Если буйство случалось в "неприсутственное" время, скажем, ночью, до урочного часа задержанного сажали в будку.

"На следующий день, – рассказывал Н. А. Найденов, – такие арестованные в награду за их деяния или были назначаемы на какие-либо внутренние при частном доме работы, как катать белье у частного пристава, набивать погребка льдом и т. п., или были выгоняемы с кругами на спине на чистку городских площадей, после чего им давался отпуск – коротко было и просто".

Попутно стоит отметить, что использование труда нарушителей порядка приносило руководству полицией определенный доход. Вот что писал по этому поводу в 1864 г. известный общественный деятель Н. П. Щепкин: "Говоря о наружном устройстве города, нельзя пройти молчанием одной весьма характеристической черты этого устройства. До настоящего года очищение городских площадей, улиц и мостов лежало на ответственности полиции, которой отпускалось на это из городской казны ежегодно 8082 р. 13½ к. И что же? Наши площади, особенно рыночные, т. е. почти все, находились всегда в самом ужасающем виде, представляя в некоторые времена года, особенно весною, непроходимые болота из навоза и прочего добра. Если улицы еще кое-как подчищались, хотя для видимости, то площади решительно отдавались на произвол судьбы. С нынешнего года полиция, во избежание всяких упреков, отказалась от 8000 р., а очистка площадей и улиц будет лежать на ответственности самой думы, которая, конечно, будет отдавать эту работу подрядчикам".

С преступниками, попавшимися на мелких кражах, будочники поступали проще. Их не тащили в квартал, а отдавали в руки "городового", который

имел полномочия тут же нарисовать мелом круг на спине вора, а в круге сделать крест. После этого “меченой шельме” вручали в руки метлу из ближайшей будки и заставляли мести мостовую у места совершения преступления.

Здесь следует пояснить, что городской, выносивший приговор на месте, в полном виде именовался “городской унтер-офицер” и по своему служебному положению являлся непосредственным начальником подчиненных ему будочников. Его не следует путать с городскими – рядовыми полицейскими служителями, появившимися на московских улицах в результате реформы 1881 г. (о них речь пойдет впереди). Городских унтер-офицеров в народе называли “хожалыми”. В отличие от будочников, привязанных уставом к одному месту, “городские” должны были постоянно совершать обходы вверенной им территории и пресекать замеченные безобразия.

Вместе с перечисленными формами наказаний существовала еще одна – расправа на месте. Далеко не все будочники были столетними ветеранами, так что нарушитель порядка мог получить и увесистую плюху. Знакомый Дмитрия Каракозова (автора первого покушения на Александра II) вспоминал такой случай: однажды будущий террорист, увидев, как городской стражник с ожесточением колотит извозчика, “немедленно ухватил будочника за шиворот, поднял его на воздух, потряс несколько раз и бросил в сторону со словами: “всех бы вас перевешать!”

И все же среди будочников встречались отзывчивые люди. В противоположность утверждению Н. В. Давыдова, что к ним никто не обращался за справками, великий русский драматург А. Н. Островский один такой случай описал. Вот сцена из его первого литературного произведения, относящегося к 1843 г., “Сказания о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг”:

“...хохол будочник сидел на скамейке и что-то мурлыкал. Меланхолия отражалась на его лице и во всех движениях. <...>

Женщина немолодых лет, покрытая красным платком по голове и в коричневом драдедамовом салопе, подошла к будке.

– Служивой!

– Що тобі?

– Не знаешь ли, голубчик, где тут живет чиновник Зверобоев? Ах, батюшки мои, замучилась, с самых вечерен ищу, с Зацепы шла.

– Та бог его знае, как его знать, чего не знаешь.

– Да скажи, пожалуйста, батюшка, уж так и быть, пяточка не пожалею, только бы найти бездельника.

– Та бог его знае.

– Чай, ведь видишь поутру, в присутствие-то ходят, такой маленький, плешивенький.

– Та как его знать, чего не знаешь.

– В серых штанах ходит.

– Да много их тут в серых штанах ходит. Как его знать, чего не знаешь.

– И в белой пуховой шляпе. Одна в Москве.

– Такого видал.

– Скажи же, голубчик, сделай милость, развяжи меня, с вечерен ищу, с Зацепы шла.

Будочник, почесывая затылок. – Шляпа-то важная.

– Да говори же скорей, измаялась, вся душа изныла. – Толкает его под бок.

– Та що ты дерешься; не в указные часы по вулицам шатается, та еще и дерется, та еще, може, так, потаскуша якая.

– Нет, не потаскуша, а купчиха московская, мой муж-то две медали имел.

– Видали-ста мы вашего брата. Вот его фатера, – сказал он, с пренебрежением показывая на дом, – ступай собі”.

Как известно, А. Н. Островский прекрасно владел искусством отражать через мельчайшие бытовые детали типичные явления окружающей его действительности. Выходит, будочник-“хохол” для Москвы 40-х гг. XIX в. вовсе не экзотика. Остается только понять, почему не коренные жители, а выходцы из Малороссии охраняли порядок на московских “вулицах”?

Ответ содержит циркулярное предписание Министерства внутренних дел от 11 ноября 1831 г. “О запрещении определять в полицейские команды туземцев и местных жителей”. В этом документе до губернских властей доводилась

воля Николая I: "...принять за правило, дабы нижние чины, состоящие в службе менее 20 лет и поступающие во Внутреннюю стражу, были определены в батальоны инвалидных команд не тех Губерний, из коих присланы на службу, а других; равномерно и в полицейские команды; прослужившие же 20 лет, могут быть переведены и определены на родину, если того пожелают"¹.

По всей видимости, причиной этого запрета послужило начавшееся годом раньше восстание в Польше, в ходе которого польские войска и местная полиция, нарушив присягу, выступили против власти русского царя. Чтобы подобного не повторилось в других местах, Николай I и приказал комплектовать внутреннюю стражу и полицию из уроженцев отдаленных краев.

Стоит отметить, что циркуляр МВД вызвал смятение среди московских властей. Обер-полицейстеру Муханову даже пришлось через посредство генерал-губернатора обращаться к министру графу А. А. Закревскому за разъяснением: "распространяется ли означенное Высочайшее повеление на чиновников в Полицию определяемых, и подходят ли под оное те чиновники и нижние чины, кои уже состоят в штате полиции?"².

Три месяца, пока шла переписка с Петербургом, служащие полиции из числа москвичей с трепетом ожидали своей участи. Наконец, министр со свойственной ему прямоотой ответил:

"Сообразив представление исправляющего должность Московского Обер-полицейстера с означенным Высочайшим повелением, я с моей стороны полагаю:

1) Что под именем Полицейских команд, в изъясненном Высочайшем повелении упоминаемых, подлежит разуметь нижних служителей в командах находящихся, на чиновников же полиции оное Высочайшее повеление не распространяется, и

2) Что поелику всякий издаваемый закон, воспримля силу свою со времени издания оного, обратного действия иметь не может, то и означенное Высочайшее повеление, воспрещающее впредь определять в полицейские команды туземцев и местных жителей, должно быть приводимо в исполнение не иначе как на общепринятом о силе действию законов основании"³.

Интересно, что в том же ноябре 1831 г. Николай I выразил "совершенное свое благоволение" за найденные в Москве "отличное устройство и порядок". По этому случаю царь объявил, что нижним чинам полиции "жалует по рублю, по фунту рыбы и по чарке вина на человека"⁴. Награжденными оказались 4140 человек: 3277 полицейских служителей, 298 жандармов и 565 казаков 7-го Уральского полка⁵. С учетом того, что закупка рыбы обошлась по 21 р. 75 к. за пуд ("с уступкой по 8 коп. с рубля"), а "вино хлебное" по 8 р. за ведро, вмещавшее 84 чарки, всего казне пришлось раскошиться на 5569 р. 28½ к. ассигнациями⁶.

А спустя четверть века уже император Александр II удостоил московских будочников своей первой милости – в 1856 г. специальным указом алебарды были сняты с вооружения и заменены тесаками. Ходили слухи, что музейное оружие вызвало ироничные замечания со стороны иностранцев, приглашенных на коронацию, и царь поспешил исправить положение, чтобы не выглядеть посмешищем в глазах "просвещенной Европы".

Вскоре после отмены крепостного права преобразования затронули и московскую полицию. Вместо солдат, набранных по рекрутской повинности, среди низших полицейских служителей заметно больше стало принятых по вольному найму. Чтобы вынудить стажей порядка не сидеть сутками напролет на одном месте, а почаще обходить улицы и пресекать безобразия, было объявлено об упразднении 53 будок.

Правда, вскоре выяснилось, что в "упраздненных" будках продолжают обитать по два, три, а то и четыре полицейских служителя. Фактически руководство полиции стало использовать караульные помещения в качестве жилья

¹ ЦИАМ, ф. 46, оп. 8, д. 4208, л. 8.

² ЦИАМ, ф. 46, оп. 8, д. 4208, л. 11.

³ Там же, л. 11–11 об.

⁴ ЦИВМ, ф. 46, оп. 8, д. 4217, л. 2.

⁵ Там же, л. 266.

⁶ Там же, л. 27.

для городских стражников. При этом остался невыясненным вопрос: куда ушли сэкономленные таким образом “квартирные” деньги?

Видимо, не разбираясь в экономических тонкостях содержания полицейской стражи, С. Натальин пытался подойти к проблеме существования будок с точки зрения здравого смысла:

“Будки имеют совершенно другое назначение, они должны служить местом, куда бы всякой городской житель, которому встретится в этом надобность, мог бы обратиться за полицейскою помощью, уверенный, что всегда найдет там готового оказать ее ему полицейского агента. Будка должна также служить местом убежища, на некоторое время, для поднятых на улице бесчувственно пьяных, для тех, с кем случится удар на улице, наконец, и для людей подозрительных, уличенных в воровстве...”

Итак, вот, по нашему мнению, какая должна быть цель полицейских будок: они отнюдь не должны быть казармами городских стражей, но местом, где каждый житель имеет возможность всегда найти и получить помощь от полицейского агента...”

Нечего и говорить, что цель эта может быть достигнута только тогда, когда все градские стражи получают хорошо и ясно составленную инструкцию о своих обязанностях и когда они готовы будут всегда выполнять свою обязанность честно и неуклонно. Инструкция эта должна быть опубликована во всеобщее сведение, и печатный экземпляр ее прибит на наружной стене будки, чтобы всякой проходящий имел возможность знать, что он вправе требовать от стража, и мог указать этому последнему на его обязанности, в случае, если бы страж отказался выполнить законное от него требование”.

Конечно, глупо оспаривать силу инструкции, но не надо забывать о реалиях России. Особенно, если исполнителями грозных предписаний должны были быть солдаты-ветераны. Вот, например, герой одного из рассказов А. И. Вьюркова – будочник с двадцатипятилетним стажем в ответ на упреки, что он плохо охраняет от воров, с нескрываемой обидой оправдывался:

“— Да разве за ними, лиходеями, уследишь? Ты его в одной стороне ждешь, а он в другой орудует”.

Впрочем, в этом заявлении присутствует изрядная доля лукавства. Описывая нравы, царившие в Москве в первой половине XIX в., Н. А. Найденов отмечал: “...тогда полиция держалась вообще строго политики невмешательства в территориальном отношении и, если на противоположной стороне улицы, принадлежавшей к другому кварталу, учинялись какие-либо беспорядки, хотя бы угрожавшие опасностью, будочник оставался спокойным зрителем происходившего перед его глазами”.

Ещё лучше уровень бдительности будочников характеризует происшествие, случившееся в мае 1881 г., когда на улице был задержан воришка с большим узлом одежды. Произведенным на месте следствием было установлено, что мазурик обокрал... полицейскую будку.

Этим курьезом, можно сказать, завершилась история московских будочников. В том же мае 1881 г. царь Александр II утвердил новый штат полиции Москвы. С того момента вместо будочников и хожалых порядок на улицах стали поддерживать городские и околоточные надзиратели. Но о них разговор впереди.